

В Дэинь не мучили ежемесячными контрольными, как в обычных школах, и за семестр набиралось всего два серьёзных испытания: промежуточный экзамен и итоговый. Свободы вроде бы больше, но и ответственности тоже, попробуй только расслабься.

На прошлой неделе как раз отгремел промежуточный. Учителя, будто соревнуясь в скорости, проверили работы с невероятной оперативностью, и вот уже классный руководитель Чэнь, удовлетворённо хмыкая, распечатал длинный лист с результатами и велел старосте прикрепить его на доску объявлений в конце класса. Принтер выплюнул бумагу с тихим жужжанием, и по классу поплыл запах разогретого тонера.

В ту же секунду, повинувшись древнему стадному инстинкту, у доски собралась плотная, галдящая толпа. Каждый хотел узнать свои оценки, сравнить, пощекотать самолюбие или, наоборот, расстроиться, и над головами уже мелькали пальцы, тычущие в список.

Шэнь Шаоянь, конечно же, первым вломился в эту толпу, проявив чудеса ловкости и наглости, а через минуту, словно пробка из бутылки шампанского, вылетел обратно и с порога, ещё даже не отдышавшись, радостно объявил на весь класс:

— Хэн-гэ! — выпалил он, сияя так, будто это он сам занял первое место. — Ты снова первый! Ура!

Гу Хэнчжи, сидевший за своей партой с абсолютно невозмутимым видом, даже бровью не повёл, словно услышал не сногшибательную новость, а банальное напоминание о том, что трава зелёная, а небо голубое. Иначе и быть не могло.

Цзи Линьсюэ, оторвавшись от своих записей, посмотрел на раскрасневшегося, запыхавшегося Шэнь Шаояня.

— А у меня сколько? — спросил он спокойно, без тени того нетерпения, которое обычно испытывают ученики в такой момент.

— Вы оба первые! — Шэнь Шаоянь оскалился в довольной, даже немного хищной улыбке. — Семьсот двадцать пять! Второй — Лу Юй, отстаёт, всего семьсот шесть. Так что вы теперь почти родственные души по баллам.

Он, однако, покосился на Гу Хэнчжи, мало ли, вдруг того взбесит такая конкуренция? Раньше-то он всегда был единоличным лидером, королём горы, а теперь какой-то выскочка посмел встать с ним на одну ступень.

Но Гу Хэнчжи, вопреки всем ожиданиям, и не думал злиться, на лице его не отразилось и тени недовольства. Вместо этого он, ни слова не говоря, полез в ящик парты, извлёк оттуда свою любимую кружку и, не глядя, протянул её вперёд, прямо Цзи Линьсюэ. Кружка была белой, с дурацким розовым кроликом на боку, который скалился в идиотской улыбке, и Цзи Линьсюэ на мгновение задержал на ней взгляд, пытаясь совместить этот детсадовский дизайн с образом

человека, который ему эту кружку протягивал.

— Пить хочу, — заявил он тоном, не допускающим возражений.

Цзи Линьсюэ опустил глаза, глядя на него с выражением, которое невозможно было однозначно истолковать.

Гу Хэнчжи, не меняя выражения лица, слабо, почти театрально, кашлянул в кулак.

— Простыл тогда, на плавании... — пояснил он, и голос его звучал на удивление жалобно для такого заносчивого типа.

Если бы Цзи Линьсюэ вчера своими собственными глазами не видел, как этот «бедный больной» с наслаждением уплетает огромное мороженое, чуть ли не облизываясь, он бы, может, и поверил в этот дешёвый спектакль. Может быть.

Но он ничего не сказал, не стал уличать во лжи. Молча взял кружку, неторопливо направился к кулеру в углу класса, набрал воды и, вернувшись, поставил её перед Гу Хэнчжи.

Тот сделал маленький глоток, скривился так, будто выпил уксуса, и отодвинул кружку. Кадык его дёрнулся, и он с вызовом глянул на Цзи Линьсюэ:

— Горячо.

Шэнь Шаоянь, сидевший между ними и чувствовавший себя заложником в зоне боевых действий, боялся даже дышать, не то что вставить слово. Что это с Хэн-гэ творится? С того дня, как вытащил его из воды, ходит за ним хвостом, требует то одно, то другое, вечно придирается, капризничает, как избалованная принцесса. У меня бы уже давно терпение лопнуло, а этот сидит и хоть бы хны.

Лу Юй, сидевший сзади, молча, стараясь не привлекать внимания, вместе со стулом отодвинулся подальше от потенциального эпицентра военных действий. Ножки стула противно скрипнули по полу, и он замер. Мало ли что.

Но, к всеобщему разочарованию Шэнь Шаояня, Цзи Линьсюэ просто постоял с минуту, глядя на Гу Хэнчжи, потом, не говоря ни слова, снова взял кружку и послушно отправился к кулеру. Он сбегал туда-обратно два раза, разбавляя кипяток холодной водой, пока Гу Хэнчжи наконец не удовлетворила температура напитка. Тот, с подчёркнутой неторопливостью, с явным, почти неприличным удовольствием, выпил всё до дна, и уголки его губ заметно, победно приподнялись.

После урока староста поднялся на кафедру и объявил неожиданную новость: занятия верховой

ездой на ближайшие два дня отменяются, тренер заболел и взял больничный. Вместо этого скучная, нудная самостоятельная работа в классе. Класс ответил таким дружным разочарованным вздохом, будто им только что сообщили, что подарки на Новый год отменяются.

Понятное дело, никому не хотелось сидеть смиренно и корпеть над учебниками. Ученики, оставшиеся без самого престижного факультатива, тут же, словно муравьи, разбежались по другим занятиям, надеясь хоть как-то скрасить вынужденное безделье. Стрельба из лука и бадминтон, и без того популярные, после отмены конной выездки стали самыми востребованными дисциплинами.

Вокруг стрельбища, огороженного сеткой, собралось множество зрителей, в основном девушки, которые делали вид, что им интересен процесс, а сами украдкой поглядывали на стрелков. Учитель, пожилой мужчина с внимательными глазами и привычкой поправлять очки на переносице, объяснил технику безопасности, основные правила и велел приступить к тренировке.

Цзи Линьсюэ только встал на свою позицию, привычно проверяя тетиву и равновесие, как вдруг рядом с ним, словно из ниоткуда, материализовался Гу Хэнчжи. В руках он держал точно такой же спортивный лук, и вид у него был самый решительный.

— Научи меня стрелять, — заявил он тоном, не терпящим возражений, и в голосе его не было ни капли просьбы.

Цзи Линьсюэ перевёл недоумённый взгляд с его лица на лук и обратно.

— Как ты сюда пробрался? — спросил он, нахмурившись. — И откуда у тебя этот лук?

Гу Хэнчжи, не отвечая, молча кивнул в сторону ограждения, за которым маячила фигура. Цзи Линьсюэ проследил за его взглядом и увидел Шэнь Шаояня. Тот, вцепившись обеими руками в металлическую сетку, смотрел на них с таким выражением, будто у него только что отняли последнюю надежду на счастье. Глаза его, и без того выразительные, сейчас были полны неподдельных слёз.

Его факультатив. Его лук, который он выпрашивал у тренера две недели. Его место. Всё ушло этому... этому аристократу с каменным лицом, который даже спасибо не сказал, — мысленно запричитал он.

Гу Хэнчжи, однако, ничуть не смущался тем, что бессовестно занял чужое место. На его лице не отразилось и тени вины или неловкости. Он снова глянул на Цзи Линьсюэ в упор:

— Ну так что, научишь?

Цзи Линьсюэ тяжело вздохнул. Спорить с человеком, который смотрит так, будто ему должны все и сразу, было бесполезно. Хотя Гу Хэнчжи больше не смотрел на него волком, как в первые дни знакомства, он постоянно, словно по привычке, находил повод к нему прицепиться, задеть, вывести из равновесия. Видимо, просто нашёл себе новое развлечение.

— Встань вот так, — Цзи Линьсюэ взял его за руку, поправляя стойку, и от этого прикосновения Гу Хэнчжи на мгновение замер. — Ноги на ширине плеч, вес тела равномерно распредели на носки. Спина прямая, плечи расслаблены. — Он говорил спокойно, чётко, словно заправский инструктор. — Теперь наложи стрелу на тетиву, большим пальцем упрись в рукоять, натягивай тетиву плавно, без рывков, до упора, до касания подбородка.

Тёплое, чуть шершавое прикосновение его пальцев заставило Гу Хэнчжи на мгновение отвлечься. Он сглотнул это странное тепло, разлившееся в груди, запер его глубоко внутри, где-то между рёбрами, и, сосредоточившись на мишени, под чутким руководством своего неожиданного инструктора выпустил первую в своей жизни стрелу.

Девять очков. Для новичка, впервые взявшего в руки лук, результат более чем достойный, почти отличный.

С каждым новым выстрелом у Гу Хэнчжи получалось всё лучше. Стрелы ложились всё ближе к центру, к заветному яблочку, и вскоре он уже начал стабильно попадать в десятку.

Стрельба из лука казалась обманчиво простой, но на самом деле требовала серьёзной выносливости. Постоянно натягивать тугую тетиву — нагрузка на мышцы рук и спины нешуточная. К концу урока у большинства учеников руки буквально гудели от усталости, и они с облегчением опускали луки, а эти двое, казалось, вообще не знали усталости, стреляли без остановки, и результат у них был неизменно отличный.

Когда занятие подошло к концу и все начали расходиться, к Цзи Линьсюэ неожиданно подошёл учитель.

— Найдётся у тебя пара минут? — спросил он, доброжелательно улыбаясь.

Цзи Линьсюэ кивнул, отложив лук в сторону.

— Понимаешь, какое дело, — начал учитель, понизив голос. — У тебя, я вижу, явный талант к стрельбе. Такое чувство лука, такая точность — это редкость. Я хочу предложить тебе подумать об участии в соревнованиях. — Он ободряюще улыбнулся. — У меня есть хорошие знакомые в тренерском составе сборной. Если покажешь достойные результаты, я смогу тебя порекомендовать, помочь с переходом на профессиональный уровень.

Цзи Линьсюэ, выслушав это заманчивое предложение, вежливо, но твёрдо покачал головой.

— Извините, учитель, — сказал он спокойно. — Но у меня нет никакого желания участвовать в соревнованиях. Спасибо за предложение.

В прошлой жизни ему тоже не раз предлагали заняться стрельбой профессионально, и он каждый раз отказывался. Не хотел превращать любимое дело, свою отдушину, в рутинную работу, полную стресса, давления и бесконечной гонки за результатами, боялся, что тогда его любовь к стрельбе перестанет быть чистой.

Учитель, к его чести, не обиделся и не стал настаивать. Только вздохнул с искренним сожалением.

— Эх, жаль, — проговорил он, покачивая головой. — Редкий самородок, а не хочет развивать свой дар. Ну, дело твоё.

— Спасибо, учитель, — ещё раз поблагодарил Цзи Линьсюэ и, поклонившись, направился к выходу.

Одноклассники уже давно разошлись, и Цзи Линьсюэ шёл по дорожке, усыпанной пожухлой, золотисто-багряной листвой, один. Пахло сухими листьями и близким дождём, и только сейчас, глядя на это великолепие увядающей природы, он вдруг осознал, что наступила глубокая осень. Кажется, когда он впервые попал в этот мир, на календаре тоже была осень.

— На что уставился?

Знакомый, чуть насмешливый голос заставил его вздрогнуть и обернуться. Гу Хэнчжи стоял, небрежно прислонившись плечом к стволу старого развесистого гинкго, усыпанного жёлтыми листьями-веерами. Длинные ноги скрещены, тёмные глаза смотрели с ленивым интересом. Расслабленная поза, чуть прищуренный взгляд, играющая на губах полуулыбка, весь его вид источал небрежное, самоуверенное очарование. Жаль только, что, едва открыв рот, он тут же разрушил эту идиллию, как слон в посудной лавке.

— Ты чего плетёшься, как черепаха? — спросил он вместо приветствия. — Я тут уже заскучал, пока тебя дождался.

Цзи Линьсюэ, быстро взяв себя в руки, спокойно ответил:

— Ты меня, значит, ждал?

— Не льсти себе, — фыркнул Гу Хэнчжи, лениво поболтав в руке бутылку с колой. — Просто пить захотел, вот и всё.

Школьный магазинчик, торгующий напитками и снеками, действительно находился как раз на пути от стрельбища к учебному корпусу. Цзи Линьсюэ, приняв это объяснение, понимающе

кивнул и, не сказав больше ни слова, спокойно проследовал мимо, даже не взглянув в сторону Гу Хэнчжи.

Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как сзади послышались быстрые, решительные шаги, и вскоре Гу Хэнчжи уже шагнул рядом с ним, плечом к плечу. Цзи Линьсюэ смотрел прямо перед собой, делая вид, что не замечает этого навязчивого соседства, но через минуту тишину нарушил раздражённый, почти обиженный голос.

— Руку давай, — буркнул Гу Хэнчжи.

Цзи Линьсюэ даже не шелохнулся, продолжая идти с прежней скоростью. Тогда большая, тёплая рука сбоку бесцеремонно сунула ему прямо в ладонь жестяную банку. Банка была приятно тёплой, видимо, Гу Хэнчжи держал её в руке довольно долго, согревая своим теплом.

Цзи Линьсюэ поднял банку, разглядывая яркую, жизнерадостную красную упаковку с изображением забавного, улыбающегося китайского мальчишки. «Ванцзай нинай» — детское молоко, которое здесь, кажется, пили все, кроме него. Он перевёл вопросительный взгляд на Гу Хэнчжи.

— Заодно купил, — пожал тот плечами, старательно изображая полное безразличие. — Ты же вроде газировку не пьёшь, говорил как-то. Вот и... — он осёкся, смутившись собственной заботливости, и уши его предательски покраснели.

Цзи Линьсюэ порылся в памяти и нашёл нужный эпизод. В начале семестра, в сентябре, когда ещё стояла невыносимая жара, Шэнь Шаоянь купил огромный пакет ледяных напитков и с щедростью миллионера раздал их всем вокруг. Когда очередь дошла до Цзи Линьсюэ, тот вежливо отказался, сославшись на то, что не пьёт газировку, и Гу Хэнчжи, оказывается, запомнил. Эту мелкую, ничего не значащую деталь. Запомнил и таскался с ней в голове, как дурак с писаной торбой.

Цзи Линьсюэ чуть сильнее сжал в ладони тёплую, шершавую банку, чувствуя, как тепло от неё перетекает в пальцы.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Они пошли дальше рядом, и осенний ветер, шурша опавшей листвой, мягко обдувал их лица.

— Что учитель хотел? — нарушил молчание Гу Хэнчжи.

— Спросил, не хочу ли участвовать в соревнованиях по стрельбе, — не стал скрывать Цзи Линьсюэ.

— И ты? — Гу Хэнчжи с интересом покосился на него.

— Отказался. Не хочу превращать хобби в работу.

Гу Хэнчжи понимающе кивнул, не став задавать лишних вопросов.

Так, перекидываясь ничего не значащими фразами, они дошли до двери первого класса. Цзи Линьсюэ уже собрался войти, как вдруг заметил в другом конце коридора знакомую фигуру. Лю Цинъян, опираясь на костыль и смешно подпрыгивая на одной ноге, ковылял в их сторону. Увидев Цзи Линьсюэ, он злобно зыркнул исподлобья и, сплюнув себе под ноги, отвернулся.

Цзи Линьсюэ, даже не замедлив шага, спокойно вошёл в класс, сделав вид, что не заметил этой враждебной выходки. Вскоре в класс, крихтя и ругаясь, ввалился Лю Цинъян, он плюхнулся на своё место, и сосед по парте тут же придвинулся поближе.

— Слышь, — зашептал он, — у тебя нога до сих пор не зажила? Что, серьёзный перелом?

— Не, — буркнул Лю Цинъян. — Связки просто потянул, ерунда. — Он покосился назад, туда, где сидели Гу Хэнчжи и Цзи Линьсюэ. — Слушай, а этот... Цзи Линьсюэ... он что, с ними со всеми так хорошо ладит?

— Ты шутишь, что ли? — удивился тот. — С какой стати? Его же сам господин Гу гоняет как сидорову козу! То воды ему принеси, то домашку за него сдай, то кружку помой. Жуть, а не жизнь.

Лю Цинъян, выслушав это, задумчиво прищурил свои маленькие глазки. В голове его, кажется, начал созревать план.

Незаметно, в череде однообразных будней, наступила пятница. Завтра долгожданные выходные, и Шэнь Шаоянь, предвкушая отдых, был сегодня особенно невыносим, трещал без умолку, словно сорока на хвосте, не давая никому покоя.

— Заткнись ты уже, а? — не выдержал Лу Юй, откладывая учебник. — Слова учить мешаешь! Из-за тебя я, может, на экзамене завалюсь!

Шэнь Шаоянь, ничуть не обидевшись, дёрнул его за рукав.

— Да ладно тебе, — беззаботно отмахнулся он. — До конца уроков пять минут осталось, какие ещё слова? Успеешь, не ной.

— Придурок, — беззлобно буркнул Лу Юй и снова уткнулся в книгу.

Не найдя понимания у Лу Юя, Шэнь Шаоянь переключил своё внимание на главную цель — Гу

Хэнчжи.

— Хэн-гэ, — запел он сладким голосом, — а можно я завтра к тебе в гости приеду? Страшно соскучился по Куки! Как он там?

Куки, золотисто-белый кокапу, помесь кокер-спаниеля и пуделя, был подарен Гу Хэнчжи на седьмой день рождения. Сейчас ему шёл десятый год, и большую часть времени он проводил в ленивой полудрёме, свернувшись калачиком в своей корзинке. Гу Хэнчжи несколько недель не был дома и понятия не имел, как там его пёс, но за Куки присматривали специально нанятые люди, и случись что, ему бы обязательно сообщили.

— Нормально всё с Куки, — невозмутимо соврал он. — Завтра я занят, так что не приезжай.

Шэнь Шаоянь аж с лица спал от такой новости.

— Чем это ты занят-то? — расстроено протянул он. — Я же так соскучился по Куки, прямо сил нет! Дай хоть на него посмотреть!

Гу Хэнчжи не собирался посвящать кого бы то ни было в свои семейные дела, тем более такие, о которых и говорить-то было противно.

— Делами, — коротко отрезал он, давая понять, что разговор окончен.

Шэнь Шаоянь, поняв, что больше ничего не добьётся, обиженно замолчал, но глазки его так и бегали по сторонам, явно обдумывая коварный план.

На следующий день Цзи Линьсюэ с утра до вечера просидел в комнате для самоподготовки. В Дэинь, хоть и не было обязательных вечерних занятий, для желающих оборудовали тихие аудитории в учебном корпусе, библиотеке и даже в общежитии. Работали они круглосуточно, даже в выходные.

Около пяти, почувствовав, что глаза устали и начали слезиться, он собрал книги и решил прогуляться до магазинчика за территорией школы, купить чего-нибудь вкусного и заодно размять затёкшие ноги.

За школой тянулся лабиринт узких, кривых переулков, по которым местные срезали расстояние. В воздухе пахло жареным маслом из чьей-то кухни и сыростью, и Цзи Линьсюэ, недолго думая, свернул в один из них. Не прошёл он и половины пути, как из тени выступили несколько фигур, плотным кольцом окружив его. Он быстро пересчитал, шестеро.

Главным, как и следовало ожидать, был низкорослый толстый паренёк с маленькими, злыми, как у хорька, глазками, Лю Цинъян, тот самый, что недавно толкнул его в бассейн. На лице

Цзи Линьсюэ не дрогнул ни один мускул, ни удивления, ни страха, и это ледяное спокойствие взбесило Лю Цинъяна ещё больше.

— Если сейчас, прямо сейчас, попросишь пощады на коленях, — прошипел он, брызгая слюной, — я, может быть, попрошу их бить тебя не так сильно.

Цзи Линьсюэ медленно перевёл взгляд на его перебинтованную ногу, и лицо его осталось непроницаемым.

— Нога, я смотрю, зажила? — спросил он спокойно, с лёгкой насмешкой.

Задетый за живое, Лю Цинъян машинально, словно улитка в раковину, втянул больную ногу назад, спрятав её за здоровую. Он впился взглядом в это невозмутимое лицо, и внутри у него всё закипело. Стиснув зубы, он рявкнул своим подручным:

— Взять его! Проучить как следует!

Рыжий долговязый парень, стоявший рядом, радостно закивал, предвкушая лёгкую наживу.

— Не сомневайтесь, господин Лю! — заверил он, потирая руки. — Он отсюда живым и здоровым не выйдет, зуб даю!

Лю Цинъян довольно хлопнул его по плечу:

— Если справитесь, озолочу! Не пожалеете!

Он ещё раз глянул на Цзи Линьсюэ, представил, как завтра тот придёт в школу с опухшей физиономией, и уголки его губ сами собой поползли вверх. Резко развернувшись, он зашагал прочь из переулка, и каждый звук потасовки за спиной отдавался в его груди приятным щекочущим теплом.

Пока дикий, полный боли вопль не разорвал тишину.

Вопль показался ему смутно знакомым. Кажется, это был голос рыжего. Лю Цинъян, мгновенно изменившись в лице, бросился назад, в переулок. То, что он увидел, заставило его замереть.

Цзи Линьсюэ стоял целёхонек, даже не запыхавшись, а вокруг него, словно кегли, в живописном беспорядке валялись его люди, жалобно постанывая. Рыжего он держал, прижав лицом к шершавой стене, заломив ему руку за спину так, что тот согнулся в три погибели и тихо скулил.

Цзи Линьсюэ, не обращая внимания на его стоны, спокойно отпустил рыжего, отряхнул пыль с одежды и медленно, неумолимо направился прямо к Лю Цинъяну.

У этого тихони такая подготовка?! Да он же шесть человек раскидал, даже не запыхавшись! — пронеслось в голове у Лю Цинъяна, и от этой мысли его прошиб холодный пот. Он в панике попятился, споткнувшись о собственные ноги, потом, вспомнив об охране, истерично взвизгнул:

— Ацян! Ачжэн! Быстро сюда!

Тяжёлые, чеканные шаги раздались из-за угла, и через мгновение за спиной Лю Цинъяна, словно две несокрушимые скалы, замерли двое здоровенных охранников в чёрных костюмах. Они почтительно, но без подобострастия, склонили головы.

— Молодой господин, — прозвучало в унисон.

Хорошо, что его папаша, следуя дурацкой моде, нанял себе охрану. А после того как Лю Цинъян в прошлый раз неудачно подвернул ногу, ему и вовсе приставили двоих персональных телохранителей, иначе он и не знал бы, что сейчас делать. Присутствие за спиной здоровенных людей придало ему уверенности. Лю Цинъян, ткнув дрожащим пальцем в сторону Цзи Линьсюэ, заорал:

— Взять его! Бейте! Насмерть! Я всё беру на себя!

Цзи Линьсюэ остановился, внимательно оценивая противников. Мужики перед ним были не чета тем жалким шестёркам, что валялись сейчас на земле. Мышцы бугрились под дорогими костюмами, взгляды холодные, профессиональные. Такие не в спортзале качаются, такие настоящую школу прошли. Он им не соперник. Это стало ясно сразу.

Осознав это, Цзи Линьсюэ мгновенно перешёл в глухую оборону, занял устойчивую позицию и приготовился к любым неожиданностям, следя за каждым движением противников. Охранники переглянулись, обменявшись безмолвным сигналом. Один из них, тот, что повыше, прочистил горло и с невозмутимым, почти казённым выражением лица произнёс:

— Молодой господин, мы наняты вашим отцом исключительно для обеспечения вашей личной безопасности. Избиение посторонних лиц, тем более с нанесением тяжких телесных повреждений, является уголовно наказуемым деянием. Мы не имеем права нарушать закон.

— Мой отец вам платит! — завизжал Лю Цинъян, и в голосе его, помимо злобы, послышались истерические нотки. — А если этот псих на меня сейчас нападёт? Если он меня убьёт? Вы и тогда не вмешаетесь?

— Молодой господин, мы действуем строго в рамках должностных инструкций, — спокойно, но

твёрдо ответил охранник. — Не осложняйте нам работу. И не создавайте лишних проблем себе.

Охранники не двинулись с места, продолжая стоять за спиной Лю Цинъяна, как два бесстрастных каменных изваяния. Лю Цинъян от злости и бессилия аж подпрыгивал на месте, топая здоровой ногой, и лицо его, и без того некрасивое, перекопилось в уродливой гримасе.

Атмосфера в переулке накалилась до предела. Казалось, ещё секунда, и произойдёт непоправимое. И вдруг из-за угла, разрушая это напряжение, раздался спокойный, чуть насмешливый голос:

— А это у нас тут что за собрание? Вечеринка без нас, что ли?

<http://bllate.org/book/16531/1540127>